

К вопросу об ответственности за действия независимого контрагента в деликтном праве

Научный руководитель – Зикун Илья Игоревич

Галушкин Филипп Витальевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: filipp.galushkin@gmail.com

Возможность возложения ответственности на лицо ("**работодатель**") за деликт привлеченного им независимого контрагента в принципе отрицательно воспринимается правовой системой.

Следуя этой идее, доктрина правопорядков германской правовой семьи для возложения ответственности на работодателя за действия привлеченного им лица требует отношений подчиненности или зависимости между работодателем и причинившим вред лицом: швейцарская доктрина, к примеру, оперирует термином "*Subordinationsverhältnis*" [5; Nr. 7 - 8]; равным образом немецкая и австрийская доктрина требует от причиняющего вред лица "связанности инструкциями работодателя" (*Weisungsgebundenheit*) или, в целом, зависимости от работодателя (*Abhängigkeit*) [4; Rn. 14 - 15],[3; S. 1489 - 1491]. В правопорядках *common law* речь идет, как правило, о тесте контроля работодателя над привлеченным им лицом и некоторых иных тестах, в конечном счете позволяющих ответить на вопрос: обладает ли работодатель известным влиянием на лицо, причинившее вред, достаточным для того, чтобы указанное лицо было признано зависимым от такого работодателя [6; P. 57 - 60]? В рамках похожей идеи контроля и влияния работодателя на причинителя вреда идет и доктрина и практика романских правопорядков [7; P. 507 - 508]. Отрицательно относится к возможности возложить деликтную ответственность перед потерпевшим за действия независимого контрагента и современное российское право: согласно абзацу 2 пункта 1 статьи 1068 ГК РФ, регулирующей ответственность работодателя за действия работника, под работником понимается, прежде всего, *гражданин*, действующий по трудовому договору или договору подряда (в последнем случае - если работник действовал "по заданию работодателя" и "*под его контролем* за безопасным ведением работ") [1; С. 210 - 211].

Объединяющая идея столь схожих подходов с свете сравнительно-правового анализа очевидна – только в случае, если работодатель может контролировать причинителя вреда, видится, вероятно, справедливым возложение ответственности на такого работодателя; и поскольку над независимым контрагентом контроль осуществлять невозможно, то вопрос об ответственности работодателя *a priori*, видимо, не должен подниматься.

Такой подход является несправедливым, хотя бы потому что именно работодатель является условием (и в некоторых теориях причинно-следственной связи – причиной) возникновения вреда у потерпевшего (поскольку если бы работодатель не воспользовался помощью независимого контрагента, то вреда бы и не произошло). Более того, опыт западных правопорядков демонстрирует, что строгой идеи невозложения ответственности за деликт независимого контрагента там не придерживаются: в правопорядках *common law* распространена концепция деликтных "непередаваемых обязанностей" (*Non-Delegable Duties*), нарушение которых независимым контрагентом делает ответственным обязанное лицо [6; P. 57 - 60],[9; P. 360– 361]; в континентальных правопорядках за деликт независимого контрагента работодателя делают ответственности через вину в выборе такого

контрагента (*culpa in eligendo*) или посредством доктрины *функциональной зависимости* независимого контрагента от работодателя (в рамках так называемого one-task подхода, когда в контексте конкретного правоотношения самостоятельный контрагент может быть зависим от указаний работодателя) [1; С. 211 - 213],[2; С. 169]. Признает возможность отвечать за действия независимого контрагента и российская судебная практика (правда, в отдельных и весьма разрозненных решениях) [8].

Возложение ответственности за деликт независимого контрагента на должника является обоснованным – если иметь в виду, что нормативной идеей ответственности за действия другого лица в деликтном праве является *идея риска соответствующей хозяйственной, управленческой и организационной деятельности* (а не устаревшие идеи сферы влияния и контроля), то становится очевидным, что работодатель *может и должен нести деликтную ответственность за действия независимого контрагента, причинившие вред: другими словами, если вред был причинен независимым контрагентом работодателя и такое событие попадает в сферу его (работодателя) хозяйственной деятельности, то потерпевший имеет требование о возмещении вреда к такому работодателю* [1; С. 213] (солидаритет с независимым контрагентом). Такая ответственность является строгой и не допускает освобождения со ссылкой на вину работодателя или независимого контрагента.

Нормативным обоснованием строгой ответственности за деликт независимого контрагента в российском праве является статья 403 ГК РФ (а не ст. 1068), поскольку причиняющий вред потерпевшему независимый контрагент нарушает не только свою генеральную обязанность по воздержанию от причинения вреда – он нарушает также и генеральную деликтную обязанность привлечшего его работодателя, поскольку каждый субъект гражданского права несет перед потенциальными потерпевшими объективную генеральную обязанность пассивного типа не причинять вред (*neminem laedere*) и, пользуясь помощью привлеченного лица, автоматически возлагает ее исполнение на указанное лицо, оставаясь ответственным за ее нарушение.

Источники и литература

- 1) Галушкин Ф.В. О некоторых проблемах строгой ответственности за действия работника в деликтном праве // Вестник гражданского права. 2024. N 2.
- 2) Галушкин Ф.В. Договорная и деликтная ответственность за привлеченных лиц в исторической и сравнительно-правовой перспективе // Вестник гражданского права. 2023. N 1. С. 169.
- 3) Karner E. in: Koziol H., Bydlinski P., Bollenberger R. Kurzkommentar zum ABGB. Wien: Österreich, 2007.
- 4) Katzenmeier Chr. in: NomosKommentar. BGB. Bd. 2/2: Schuldrecht - §§ 611 - 853. 3. Aufl. Baden-Baden: Nomos, 2016. § 831.
- 5) Kessler A.M. in: Basler Kommentar. Obligationenrecht. Art. 1 - 529 OR / Hrsg. von H. Honsell, N.P. Vogt, W. Wiegand. 6. Aufl. Basel: Helbing Lichtenhahn, 2015. Art. 55.
- 6) Giliker P. Vicarious Liability in Tort: A Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- 7) van Dam C. European Tort Law. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- 8) Определения СКГД ВС РФ от 28 июня 2022 г. No 1-КГ22-4-КЗ, от 9 марта 2021 г. No 4-КГ20-72-К1; постановление АС Волго-Вятского округа от 27 мая 2019 г. No Ф01-1274/2019 по делу No А29-14015/2016
- 9) Elliot C., Quinn F. Tort Law. 8th ed. London: Longman, 2011.